

**Рассекреченный Зубр. Следственное дело Н.В. Тимофеева-Ресовского.
Вступительная статья. Документы.
Сост. Я.Г. Рокитянский, В.А. Гончаров, В.В. Нехотин.**

М.: “Academia”, 2003. 576 с.

Литература о нашем замечательном соотечественнике, русском ученом Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском пополнилась важнейшей публикацией – обстоятельным (самым полным) историковедческим изданием, вводящим в научный оборот более 200 источников из малодоступного прежде Центрального архива ФСБ России, а также Архива истории Общества Макса Планка, Архива РАН и Российского государственного военного архива. Все вместе они закрывают ранее существовавшие документальные “провалы” о периоде пребывания ученого в Германии, и особенно в период его девятимесячного заключения в казематах Лубянки, а затем в Бутырке в 1945–1946 гг.

Почему судьба “Зубра” (так с легкой руки Даниила Гранина часто кратко зовется Н.В. Тимофеев-Ресовский) не оставляет равнодушной сотни тысячи людей в России и в других странах, почему вновь и вновь появляются фундаментальные исследования, касающиеся разных сторон его деятельности, почему не иссякает поток воспоминаний о встречах с этим человеком? Мне кажется, по трем причинам:

- из-за его титанического вклада в развитие целого спектра научных направлений современного знания;
- благодаря уникальным личным качествам;
- в связи с его яркой, почти неправдоподобной биографией.

О науке. Николай Владимирович был одним из основоположников радиационной, популяционной и эволюционной генетики, молекулярной биологии, биофизики, радиобиологии, фенетики, создателем радиационной биогеоценологии, учения о микроэволюции и учения об уровнях строения живого. Ему принадлежит формулировка принципа попадания, принципа усилителя, теории мишени, концепций и понятий экспрессивности, пенетрантности, конвариантной редупликации, формулировка общих принципов организации живой материи. И это – неполный перечень того, что сделало его небожителем в мире науки: он то и дело, как будто походя, зажигал на звездном небе науки одну звезду за другой. Нельзя представить естествознание XX века без научного вклада Н.В. Тимофеева-Ресовского.

Многokrатно повторявшиеся им присказки вроде “Главное – отделять существенное от несущественного”, “Прежде чем начинать – подумай”, “А для чего это нужно в девярых”, “Изучение 39-й ножики у сороконожки”, по существу, в афористической форме отражают едва ли не всю современную научную методологию. А его “раскладывание по полочкам” и выделение среди явлений и событий элементарных (то есть далее не подразделимых без потери качества) факторов (движущих сил) и “материалов” (применено им к выделению уровней организации живой материи и к анализу содержания эволюционного процесса) оказываются, по-видимому, самым крупным (и пока не оцененным в должной мере) шагом в развитии научной методологии в XX в.

О личности. Николай Владимирович был удивительно талантлив и в общении с людьми. Он любил и умел разговаривать с кем угодно. Общение было формой его существования. Он был безмерно доброжелателен, и его знаменитые громы и молнии направлялись не на критику личности, а на доказательство никчемности или ошибочности разных взглядов. Показательно, что он не написал единолично ни одной книги, зато оказался ведущим соавтором десятка монографий, а число инициированных им книг составляет многие сотни. О стиле и характере его неповторимого общения ходят легенды и написано множество воспоминаний. О том, как он делал это в 75-й камере Бутырской тюрьмы, живо написал встретивший его там в июле 1946 г. А.И. Солженицын в “Архипелаге ГУЛАГ”. Теперь, после публикации “Рассекреченного Зубра”, можно сказать, что даже в сухих протоколах допросов ощущается этот стиль общения Николая Владимировича – он и с лубянским следователем вел разговор на свой собственный манер.

О биографии. Все замечательные научные свершения “Зубра” появлялись не в безвоздушном пространстве, и не в башне из слоновой кости, а в реальной головокругоужительной жизни – то в кружке научной молодежи, окружавшей Н.К. Кольцова и С.С. Четверикова, то в одном из лучших в мире коллективов генетиков в частном Институте кайзера Вильгельма в пригороде Берлина, то на семинаре Нильса Бора, то на крупней-

ших научных конференциях по генетике и биофизике в США, Англии, Франции, Италии, то в секретной “шарашке” на берегу уральского озера, то на семинаре у Петра Капицы в Москве, то в лабораториях Свердловска и Обнинска. Его жизнь представляет причудливое переплетение гражданской войны, совдепии, Веймарской республики, фашистской Германии, Лубянки–Бутырок–Карлага, 101-го километра.

Одни безвольно плывут по течению жизни, другие (их немного) – направляют течение своей жизни, и других жизней. Н.В. Тимофеев-Ресовский из этих немногих: не кто-то за него, а он сам:

- принимает предложение Н.К. Кольцова и О. Фогта поехать на работу в Германию в 1925 г.;
- принимает в 1937 г. решение не возвращаться в СССР навстречу неминуемой смерти;
- тогда же решил не принимать немецкого гражданства;
- вопреки смертельной опасности спасает десятки людей, преследуемых нацистами;
- не принимает предложения принять участие в фашистских программах, чтобы спасти жизнь старшему сыну (позднее погибшему в концлагере Маутхаузен за антифашистскую деятельность);
- принимает решение сохранить весь свой институт и не уехать на Запад при оккупации Берлина Красной армией;
- принимает предложение продолжить радиобиологические исследования и возглавить научный коллектив на Южном Урале.

Казалось бы, благодаря воспоминаниям друзей и коллег, гранинскому “Зубру”, работам историков мы очень хорошо знали жизнь этого замечательного человека. Но рецензируемая книга добавляет немало новых штрихов в его биографию, причем в самые малоизвестные у нас периоды его жизни – германский и советский арестантский.

Книга на огромном новом фактическом материале (в основном, из ранее закрытых архивов) дает внятный ответ на вопрос, возникавший у многих в СССР: почему фашисты терпели этого ярчайшего трубадура просвещения и свободной воли? Из документов немецкого Министерства науки, воспитания и народного образования, а также гестапо видно, что фашисты понимали его научную величину. И терпели, как терпели великого физика-антифашиста Макса Планка. Ясно, что и в фашистской Германии, и в сталинском СССР он выжил только потому, что был выдающимся ученым.

Опубликованные в книге 14 протоколов допросов “Зубра” на Лубянке следователем В.А. Гарбузовым представляют, по меткому выражению Якова Рокитянского, “комплекс неизвестных воспоминаний Николая Владимировича в форме ди-

алога с лубяньским следователем” (с. 122). Эти протоколы подтверждают то, что мы все – его ученики и друзья – знали и ранее: ни при каких обстоятельствах он не изменял себе. Даже за сухим языком протоколов его допросов на Лубянке живо встает его неординарная личность. Эти протоколы неуловимо напомнили мне его лекции и выступления, которые так хорошо известны по воспоминаниям и записям.

А “Докладная записка о работе с нейтронами и искусственными радиоактивными изотопами”, написанная на Лубянке в декабре 1945 г., заслуживает специального изучения историками науки – чтобы восстановить возможный приоритет Тимофеева-Ресовского в целом ряде направлений радио- и молекулярной биологии (с. 309–315). В ней подробно рассматриваются перспективы “радиоактивных индикаторов” (позднее это стало общепринятым радиоизотопным методом исследований), в том числе маркировка изотопами химических реакций, анализ структуры нуклеопротеидов, радиотерапия с помощью инкорпорированных радионуклидов, что позднее получило название синергизма (“комбинированного действия слабых доз рентгена и радия с химическими факторами”), проблемы конвариантной редупликации “механизма редупликации гигантских молекул” нуклеопротеидов.

Документом огромной нравственной силы является опубликованное выступление Н.В. Тимофеева-Ресовского на закрытом судебном заседании военной коллегии Верховного суда СССР 4 июля 1946 г.: “...В руководимом мною институте работало около 20 научных сотрудников разных национальностей, и русские, и болгары, и немцы. Во главе этого института я оказался только лишь потому, что этот институт был частным, а не государственным ... В процессе предварительного следствия у меня создалось впечатление, что следственные органы интеллигентно исключительно моими отрицательными сторонами ... Мне кажется, что следственные органы были удивлены, почему русского человека, проживающего во время войны в Берлине, немцы не повесили. ... За 20 лет своего существования за границей я написал около 140 научных работ... как ученого человека меня приглашали в Америку, в Англию... я бывал во Франции, Швеции, Дании ... мечтал в будущем возвратиться в СССР организованно, со своим штатом, со своими научными трудами ... Когда я ехал на работу в Германию, я был горд этим, горд, что кончилось время, когда только немцы приезжали к нам, а не мы к ним...” (с. 459–460).

Всем, кто интересуется историей России и историей науки, надо обязательно прочитать эту книгу еще и потому, что в обиход вводятся новые документы связанные с именами В.И. Вернадско-

го, Н.И. Вавилова, Ф.Г. Добржанского, М. Дельбрюка, М. Планка, Н. Бора, Г. Меллера, Н.К. Кольцова, Г. Штуббе, С. Дарлингтона, Н.П. Дубинина и многих десятков других выдающихся зарубежных и отечественных ученых.

К этому можно добавить имена русских эмигрантов, оказавшихся в Берлине в 20–30-х годах. Судя по протоколам допросов, с ними общались Николай Владимирович и сотрудник руководимого им Отдела генетики Сергей Романович Царапкин (он проходил с ним по одному делу, поэтому в книгу вошли и его следственные материалы). Среди упомянутых: Н.А. Бердяев, В.В. Леонтьев, В.В. Набоков, И.А. Стратонов, Ф.А. Степун, В.М. Федоровский, С.Л. Франк и многие другие. Читатели узнают немало интересного об истории русской эмиграции.

Материалы книги однозначно показывают, что в Германии Николай Владимирович вел себя как свободный человек, что в те времена было нетипично для советского гражданина, оказавшегося за рубежом. Тем же отличалось и его поведение в СССР после 1945 г. Не удивительно, что он раздражал сотрудников соответствующих органов, не оставлявших его в покое вплоть до самой кончины, а затем, как показано в книге, отчаянно сопротивлявшихся реабилитации ученого (с. 16–32).

Мне кажется необязательным включение в число публикуемых документов четырех писем С.Н. Варшавского (зоолога, одного из многих спасенных “Зубром” русских в Берлине) 80-х годов, не содержащих никакой значимой информа-

ции (док. 189.192, 199, 200). Но это – мой единственный упрек авторам и составителям “Рассекретленного Зубра”. Остальные 204 документа, большая часть из которых, как я уже отмечал, вводится впервые в научный оборот, еще долго будут волновать и историков, и почитателей Н.В. Тимофеева-Ресовского.

Значительная часть книги (156 с., 27% объема) занимает интереснейшая монографическая статья Я. Рокитянского “Н.В. Тимофеев-Ресовский в Германии и на Лубянке”, точно отражающая основное содержание этой удивительной книги. Я.Г. Рокитянский, по-видимому, первый из биографов “Зубра”, четко и документировано заявивший, что затянувшаяся на 20 лет командировка в Германию спасла Н.В. Тимофеева-Ресовского от сталинских репрессий и позволила стать ему всемирно известным ученым. Но вот вопрос: был ли этот германский период творчества Николая Владимировича “грандиозным везением” или “грандиозной удачей судьбы” (как считает Я.Г. Рокитянский) (с. 144, 146), или же это было еще одним выражением пророческого дара “старого учителя” (как называет себя Николай Константинович Кольцов в одном из немногих писем к “Зубру”), прозорливо уберегшего для мировой науки своего любимого и талантливейшего питомца?

*А.В. ЯБЛОКОВ,
член-корреспондент РАН*